

СЕРГЕЙ ДРОЖЖИН

ПРИЗРАК НЕОНАЦИЗМА

**Сделано
в Новой Европе**

ТАЙНЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ПОЛИТИКИ

Сергей Дрожжин

**Призрак неонацизма.
Сделано в новой Европе**

«Алисторус»

Дрожжин С.

Призрак неонацизма. Сделано в новой Европе / С. Дрожжин —
«Алисторус»,

ISBN 5-9265-0263-2

Мало кто знает, что антисемитизм и расистские взгляды всегда были широко распространены в этой стране и не случайно стали типичными для некоторых немецких политических деятелей. При этом антисемитизм и расизм не умерли с гибелью нацистского государства — они живы в Германии и сейчас. Задача этой книги — восполнить пробелы в нашем представлении о Германии, а также сделать для себя выводы на будущее.

ISBN 5-9265-0263-2

© Дрожжин С.
© Алисторус

Содержание

Предисловие	6
Глава I Спор историков	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Дрожжин

Призрак неонацизма.

Сделано в новой Европе

Едва ли какой-нибудь другой народ больше изучает историю, нежели мы, немцы. Но едва ли найдется другой народ, кто хуже применял бы в жизни это изучение, чем мы.

А. Гитлер

Предисловие

По целому ряду причин в России существуют смутные понятия о новейшей истории Германии. Так, например, мало кто знает, что антисемитизм и расистские взгляды всегда были широко распространены в этой стране и не случайно стали типичными для некоторых немецких политических деятелей. При этом антисемитизм и расизм не умерли с гибелью нацистского государства – они живы в Германии и сейчас.

Отметим также, что широко распространенное у нас представление о Германии как о стране «поэтов и философов» плохо соотносится с преступлениями немцев во время Второй мировой войны. В частности, войну против нашей страны, жертвами которой стали десятки миллионов наших соотечественников, большинство немцев считали и продолжают считать «справедливой». Они полагают, что они боролись против «мирового зла» и защищали от «иудео-большевистских варваров» европейскую «культуру».

Нападение нацистской Германии на Советский Союз в сознании большинства немцев отделено от понятия «холокост», хотя такое положение, как указывает немецкий историк И.Келлер, весьма далеко от истины. Однако мнения отдельных историков не могут изменить структуру самосознания нации.

В отличие от нас немцы далеки от того, чтобы идеализировать Россию и русских.

К тому же немцы оказались побежденными во Второй мировой войне. Что хуже всего для них, так это то, что они оказались слабее той страны и того народа, который они так искренне презирали и ненавидели. Решающее военное поражение Германии во время Второй мировой войны было нанесено людьми, которых немцы презрительно называли «недочеловеками».

Таким образом, если в русских представлениях о Германии преобладает беспочвенная и опасная идеализация немецкого менталитета, то в германских представлениях о России явно видна злобная демонизация нашей страны. Ни то, ни другое положение нельзя назвать нормальным.

В Германии часто цитируют М.С. Горбачева, который, имея в виду Э. Хонеккера, сказал: «Кто опаздывает, того наказывает история». Однако история готова так же легко наказать и того, кто не имеет полной информации о предмете своего рассуждения.

Задача этой книги – восполнить пробелы в нашем представлении о Германии, а также сделать для себя выводы на будущее.

Глава I Спор историков

Так называемый «спор историков» начался в 1986 году. Но уже тогда многим как в Германии, так и за ее пределами было ясно, что этот спор будет длиться очень долго.

«Спор историков» связан в первую очередь с именем Эрнста Нольте, профессора Свободного берлинского университета. Три работы Э. Нольте – «Фашизм и его эпоха», «Германия и холодная война», а также «Марксизм и индустриальная революция» сделали его заметной фигурой среди исследователей в области новейшей истории Германии.

Собственно «спор историков» в Германии начался с того, что Э. Нольте отказался принять участие в традиционной дискуссии во Франкфурте (Roemerberg-Gespraechе), так как ему показалось, что ее организаторы больше внимания уделили его коллеге и оппоненту влиятельному историку Вольфгангу Моммзену. Тогда Э. Нольте решил отказаться от участия во встрече и передал текст своего выступления газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг», где он и был опубликован. Статья Нольте называлась «Прошлое, которое не проходит». Именно публикация этой статьи и содержащиеся в ней тезисы вызвали противоречивую, но бурную реакцию в немецком обществе. Полемика по этому поводу, в первую очередь в средствах массовой информации, и составляет собственно то, что принято называть «спором историков».

В этой статье Э. Нольте посетовал на то, что нацистское прошлое в Германии никак не хочет проходить. Более того, оно – это прошлое, – по его мнению, претендует занять место настоящего, или висит над ним как дамоклов меч.

Один из центральных тезисов Э. Нольте состоит в том, что политику физического уничтожения евреев, проводившуюся фашистским режимом Гитлера, следует рассматривать в тесной связи с вопросом об уничтожении гражданского сословия в России, а также с уничтожением кулачества, то есть крестьянства. Э. Нольте утверждает также, что германский фашизм следует оценивать как «зеркальное отражение русской революции и в определенной степени марксизма».

Центральным для профессора Э. Нольте является также понятие «азиатского преступления». В этой связи немецкий историк вспоминает Макса Эрвина фон Шойбнер-Рихтера, одного из ближайших соратников Гитлера. В 1915 году фон Шойбнер-Рихтер был консулом в Эрзеруме, где он мог непосредственно наблюдать за геноцидом армян в Турции. Это было первым большим геноцидом в XX столетии. Преступления турок против армян профессор берлинского университета классифицировал как «азиатское преступление».

Статья «Прошлое, которое не проходит» содержала, разумеется, только основные тезисы Э. Нольте. Затем его взгляды получили развитие в его последующих статьях, а также монографиях.

Э. Нольте приводит в одной из своих работ реакцию А. Гитлера на первые сообщения о поражении вермахта под Сталинградом (1 февраля 1943 г.). Тогда А. Гитлер якобы предположил, что некоторые из немецких офицеров будут сотрудничать с «Советами». «Представьте себе «клетку с крысой». Тогда они все что угодно подпишут». (А. Гитлер, если верить этому нацистскому апокрифу, имел в виду конкретный вариант пытки с использованием изголодавшихся крыс, который якобы использовался «на Лубянке»). Э. Нольте также прокомментировал и известный эпизод из книги Оруэлла «1984», где автор, по мнению немецкого историка, имел в виду не Лубянку, а некую «китайскую ЧК».

В любом случае для Э. Нольте эта клетка с крысой необходима для того, чтобы подчеркнуть «азиатский» характер преступлений, которые якобы совершались в определенных странах Востока, в первую очередь в России. Этот тезис об «азиатском преступлении» Э. Нольте самым активным образом будет затем использовать для доказательства своего весьма сомнительного тезиса о «превентивном» характере войны нацистской Германии против СССР.

Анализ подобного рода «азиатских преступлений» приводит Э. Нольте к выводу о том, что «уникальность» немецкого фашизма состоит только в использовании газовых камер для геноцида и современных индустриальных методов физического уничтожения людей – все остальное в истории уже якобы было.

Уже на этом этапе знакомства с концепцией Э.Нольте можно сделать заключение о том, что он приводит сравнения нацистского режима в Германии с другими режимами в первую очередь для того, чтобы свести до минимума «уникальность» преступлений немцев во время Второй мировой войны. Нольте прибегает уже к испытанному методу «банализации при помощи сравнения». Обыденность преступления, по мнению сторонников этого подхода, лишает историческое событие статуса уникальности. Как раз в этом и состоит одна из целей Э. Нольте.

После «клетки с крысами» Э. Нольте делает в своих рассуждениях следующий шаг и формулирует вопрос – не являются ли преступления Гитлера следствием опасений, связанных с тем, что он считал себя возможной жертвой таких «азиатских пыток». В таком случае Аушвиц – это только реакция на русский ГУЛАГ, а «уничтожение наций» – реакция на «уничтожение классов».

На основе всех этих «притянутых за уши» аргументов Э. Нольте делает вывод о том, что уничтожение евреев – это «понятная» (значит оправданная) реакция А. Гитлера на те угрозы, которые чувствовал сам вождь немецкой нации. Отметим, что уничтожение русских и здесь вынесено за скобки для удобства самооправдания.

В последнее время в немецком обществе Э. Нольте считают апологетом нацистского режима. В этой связи многие напоминают о том, что он был учеником известного философа Мартина Хайдеггера, который в свое время был активным членом НСДАП. Учитель Э. Нольте и признанный немецкий философ также утверждал, что войска СС проводили «позитивную» демографическую политику. Но хорошо известно, что войска СС участвовали только в массовых расстрелах и депортациях, и что в данном случае они делали «позитивного»?

Конечно, А. Гитлер связывал с войсками СС в том числе и определенные демографические преступления против человечности, участвуя в массовом физическом уничтожении невинных людей на оккупированных территориях.

Не вызывает удивления и то, что Э. Нольте активно выступал против создания мемориала жертвам холокоста в центре Берлина. «Как тотальное забвение, так и тотальное напоминание являются негуманными», – заявил он.

Сторонники концепции Э. Нольте, как и он сам, считают, что марксизм следует считать «идеологией уничтожения», а большевизм – практической реализацией этого учения.

Но даже если признать марксизм «идеологией уничтожения», то из этого неизбежно следует вывод, что Германия в XIX веке породила две «идеологии уничтожения» – это марксизм и элиминаторный расизм. Не следует забывать, что Германия активно сотрудничала с наиболее радикальными русскими партиями, в том числе и с большевиками, которых официальные власти этой страны снабжали значительными финансовыми средствами.

Интересно, что в своих рассуждениях Э. Нольте использует только термин «большевики». Но не говорит, что для руководства НСДАП, в первую очередь для самого А. Гитлера, слова «большевики» и «евреи» были синонимами. Фюрер не изменил этого отношения даже тогда, когда к власти в Советской России пришел И.В. Сталин.

Кроме того, что касается войны против Советской России, то помимо уничтожения евреев, русских и других народов нацисты пытались захватить и ограбить значительную часть территории нашей страны, и это была двуединая цель. К моменту начала агрессии против Советского Союза А. Гитлера уже мало интересовали сведения о количестве евреев в советском руководстве. Его в значительно большей степени интересовало жизненное пространство (Lebensraum), захватить которое он рассчитывал.

В одной из своих работ Э. Нольте приводит дневниковую запись Й. Геббельса, датированную июлем 1926 года. Будущий нацистский министр пропаганды записывает свои впечатления от прочтения книги о Распутине некоего И. Наживина. «Еврей – это антихрист мировой истории», – замечает Й. Геббельс.

«В России продолжают показательные процессы, – цитирует далее Э. Нольте запись Й. Геббельса от 27 января 1937 года. – Евреи пожирают друг друга. У фюрера: он изображает Россию в ее безутешности и дезорганизации. Эта система доноительства и террора была бы для немецких условий совершенно неприемлемой. Там господствуют дикость и безумие».

Наивно было бы полагать, что Э. Нольте также считает, что в системе нацистского государства доноительство и террор не играли никакой роли. Конечно, как историк он не может не знать, что и доноительство, и террор были центральными элементами нацистской системы правления. Э. Нольте должен согласиться с тем, что резкая радикализация и определенный культ насилия стали доминирующей политической тенденцией внутри Германии в 1920-е годы, и это не имело никакого отношения к тем событиям, которые происходили в СССР.

Интересно также приводимое Нольте замечание А. Гитлера о «дезорганизации» в России. Очевидно, фюрер не испытывал никакого страха и не считал, что какая-то угроза, кроме еврейского большевизма, может исходить из Советской России. Как можно бояться страны, в которой царят разруха и дезорганизация? И даже если это и не соответствовало действительности, но таково было видение А. Гитлера, а именно он принимал основные решения. Вообще достаточно странным кажется желание Э. Нольте построить свое рассуждение на мнимом страхе немецкого фюрера. Хорошо известно, что он проявил себя во время Первой мировой войны скорее как храбрый человек и заслуженно был награжден железным крестом первой степени.

Далее Э. Нольте приводит мнение Сони Марголиной, дочери российских коммунистов «еврейского происхождения», эмигрировавшей после Второй мировой войны из Советской России в Западную Германию. «Трагедия евреев состояла в том, – пишет С. Марголина, – что у них не было политического выбора, чтобы избежать мести за исторические преступления евреев – их значительной роли в русской революции. Победа советского режима на время обеспечила им спасение, но возмездие еще было впереди».

Но Э. Нольте напрасно считает С. Марголину своим единомышленником и соавтором его пресловутого «каузального некса». Эмигрировавшая дочь российских коммунистов явно сожалеет о том, что русская революция, в которой столь активную роль сыграли евреи, стала причиной гибели большого количества невинных людей. Она вовсе не оправдывает А. Гитлера, напавшего на Советский Союз и истребившего миллионы невинных людей, в том числе и евреев.

Однако Нольте оценивает ее слова по-другому: «Соня Марголина намеренно формулирует тезис, который можно назвать самым табуизированным мнением в Германии с 1945 года, а именно: существовал каузальный нексус между поведением евреев во время большевистской революции и Аушвицем, или, если говорить более популярно: евреи сами виноваты в тех несчастях, которые на них обрушились с началом войны».

Э. Нольте ссылается в одной из своих работ на мнение Дитера Поля, который считает, что поляки в Галиции не проявляли сострадания во время операций по физическому уничтожению евреев, а многие из них наивно полагали, что в этих действиях проявляется «историческое возмездие».

Опираясь на мнение современного еврейского писателя Джорджа Стайнера, Э. Нольте пытается подвести своего читателя к мысли о том, что марксизм – это исключительно иудейская форма секуляризованного мессианства.

«Для национал-социалистов, – продолжает Э. Нольте, – было достаточно причин считать евреев «народом-врагом», но сами евреи были главной причиной этой враждебности». Не

стоит удивляться и тому, что Э. Нольте считал оправданным интернирование всего еврейского населения Германии после известного заявления председателя «Еврейского агентства» Хаима Вейцмана.

Все эти весьма странные цитаты и собственные рассуждения Э. Нольте нужны ему для того, чтобы сделать, как уже упоминалось, свой основной вывод, который состоит в том, что главный в нацистской Германии человек, определявший политику страны во всех ее аспектах, сам боялся быть уничтоженным и именно поэтому принял решение о физическом уничтожении евреев, применяя, таким образом, опережающую превентивную тактику.

При описании войны Германии против Советского Союза Э. Нольте берет слово «нападение» в кавычки, подчеркивая тем самым его якобы неуместность. Взамен слова «нападение» Э. Нольте предлагает использовать термин «решительный бой» или «превентивная война». Но в данном случае даже нет предмета спора. Это было нападение, и нападение вероломное.

Еще менее убедительными выглядят, на мой взгляд, попытки Э. Нольте оправдать намеренное уничтожение советских военнопленных в первые месяцы после начала войны Германии против Советского Союза. Сравнить умышленное умерщвление 3,5 млн. советских солдат с судьбой 6-й немецкой армии под командованием генерала Паулюса некорректно, так как Советский Союз не нападал на Германию, а это очень упрямый факт. Но даже если каким-то образом и сравнить судьбу 3,5 млн. красноармейцев и 95 тыс. солдат и офицеров 6-й армии, то само соотношение цифр делает это невозможным.

Э. Нольте и в данном случае наглядно демонстрирует замеченное в немцах ими самими «отсутствие способности к состраданию» по отношению к другим народам. Его совершенно не волнует судьба советских военнопленных. Более того, он даже не приводит хорошо известную цифру совершенно диким образом умерщвленных советских солдат, не забыв, однако, сказать о 100 тыс. немцев, якобы не вернувшихся из советского плена, что не соответствует действительности.

Так же легко Э. Нольте справляется и с пресловутым «приказом о комиссарах». Он считает, что суть этого приказа состоит в том, что он обращает внимание немецких солдат на то, что советские солдаты будут нарушать международное право. Такое толкование не имеет под собой никаких реальных оснований. Смысл этого приказа состоял в том, что немецких солдат заранее «освобождали» от норм международного права, международных конвенций и солдатского товарищества.

Почти с сожалением Э. Нольте пишет о том, что не оправдалось предсказание А. Гитлера, что большевики в случае захвата Германии уничтожат «миллионы и миллионы» представителей немецкой интеллигенции. Большой вопрос, можно ли было бы тогда найти в Германии «миллионы и миллионы» интеллигентов.

Э. Нольте, как представляется, огорчен и тем обстоятельством, что ему не удалось найти случаев, когда в Советской России обреченных на смерть людей поездами отправляли в какой-либо лагерь с целью их незамедлительного физического уничтожения на месте. Поэтому Э. Нольте, несмотря на все его неимоверные усилия, тем не менее, вынужден признать, что лагеря смерти являются уникальным немецким феноменом, не имеющим прецедента в мировой истории. Он говорит о том, что в Аушвитце (а разве только в этом немецком лагере смерти? – С.Д.) было загублено немцами так много людей, которые могли бы в других условиях реализовать свой творческий потенциал.

4 июня 2000 года Э. Нольте получил премию имени бывшего федерального канцлера ФРГ Конрада Аденауэра, учрежденную фондом «Германия». Она была вручена ему директором мюнхенского Института современной истории Хорстом Меллером. Даже Ангела Меркель – нынешний федеральный канцлер, бывшая тогда председателем ХДС, заявила, что в случае с Э. Нольте у нее есть «личная проблема».

* * *

Известный немецкий историк Андреас Хильгрюбер также принял самое активное участие в «споре историков». Его главный тезис состоит в том, что физическое уничтожение евреев в Европе – такое же преступление, как и разоружение «пруско-немецкой империи». Это означает, что немцев, по его мнению, следует рассматривать в качестве жертв событий, произошедших во время и сразу после Второй мировой войны. При этом речь не идет о какой бы то ни было ответственности за уничтожение миллионов людей на территории бывшего СССР. Подобная точка зрения оказалась чрезвычайно популярной среди неоконсервативных кругов в Германии, о чем красноречиво свидетельствуют последние заявления бывшего кандидата в канцлеры от блока ХДС-ХСС и премьер-министра федеральной земли Баварии Эдмунда Штойбера, открыто поддерживающего требования «Союза изгнанных».

Эрнст Нольте и Андреаса Хильгрюбера в «споре историков» активно поддержали также Микаэль Штюмер и Клаус Хильдебранд. К числу их наиболее последовательных и активных критиков следует отнести американских историков Феликса Гильберта и Питера Гея. Активное участие в дискуссиях как оппоненты Нольте и К^о принимали видные немецкие историки – Эберхард Йекель, Мартин Бросцат, Ханс Моммзен, Вольфганг Моммзен, Юрген Кока, Хайнрих Аугуст Винклер и многие другие.

Историк и публицист Микаэль Штюмер, пользующийся в последнее время в стране большой популярностью, родился в 1938 году. Он защитил диссертацию в университете Марбурга под руководством профессора истории Э. Маттиаса. Диссертация была посвящена созданию коалиций и оппозиционных движений в Веймарской республике и, по мнению некоторых специалистов, до сих пор не утратила своего значения.

Следующее историческое исследование М. Штюмера было проведено им уже в университете города Мангейма и было посвящено особенностям государственной системы Германии во время правления О. фон Бисмарка.

В определенный момент М. Штюмер вместо того, чтобы продолжить свою успешно начатую научную карьеру, стал в большей степени заниматься написанием популярных статей и журналистикой, выступать с лекциями вне студенческих аудиторий для широкой публики. Уже тогда он начал обращать особое внимание на вопросы геополитики, национального самосознания и интерпретации истории. К этому же периоду относится и его знакомство с будущим федеральным канцлером Гельмутом Колем.

Более интенсивные занятия политикой, а также журналистская работа привели М. Штюмера к тому, что в его арсенал вошли традиционные для Германии клише, в первую очередь такие, как «опасность с Востока».

В этот момент центральное место в системе координат немецкой истории для М. Штюмера стало занимать понятие «срединного» положения Германии в Европе. При этом он опирался на мнение английского специалиста по Германии Джона Селея (John Seeley), по мнению которого степень свободы внутри отдельно взятого государства в значительной мере зависит от того давления, которое оно испытывает на своих границах (Wehler, 33).

Дж. Селей узнал о существовании подобной теории, истоки которой уходят к начальному периоду геополитики, находясь в Германии, и сразу же с большим энтузиазмом взял ее на вооружение, а затем эта теория была уже реэкспортирована на свою родину как авторитетный английский интеллектуальный продукт (Wehler, 34).

Взгляды М. Штюмера оказались близки Г. Колю, и это привело к тому, что М. Штюмер стал советником Г. Коля и так называемым «спичрайтером», то есть автором текстов его публичных выступлений или только «гострайтером» («ghost-writer»), время от времени редак-

тирующим эти выступления, – по этому поводу нет единого мнения. В любом случае он стал человеком политически весьма близким к руководству партии ХДС-ХСС.

В это время одна из самых влиятельных и консервативно настроенных газет «Франкфуртер альгемайне цайтунг» два раза в месяц предоставляла М. Штюмеру место на первой полосе, где он публиковал свои передовые статьи. В то же время он активно продолжал свою публицистическую работу, активно печатался и в других изданиях. В своих выступлениях М. Штюмер активно призывал к тому, чтобы историческая наука стала принимать активное участие в формировании немецкого самосознания.

Наиболее значительные статьи М. Штюмера появились в 1986 году в сборнике «Диссонансы прогресса» – как раз тогда, когда и разразился в Германии так называемый «спор историков».

Но главная идея М. Штюмера была сформулирована им значительно позднее, и это произошло уже в контексте самого «спора историков».

Предметами его изучения стали теперь такие понятия, как «нация» и «национальная идентичность». Какая сила может стабилизировать эту идентичность, – задает он вопрос и сам на него отвечает: только история. Точнее – ее толкование, удобное для политиков (Wehler, 69). Историки, по М. Штюмеру, и должны формировать национальное самосознание.

В мае 1986 года в журнале «Парламент» М. Штюмер опубликовал статью, в которой заявил, что «потеря ориентации» в обществе и «поиск идентичности» являются родственными понятиями (Wehler, 70). «Однако тот, кто думает, – продолжает М. Штюмер, – что все это не оказывает никакого влияния на политику и на будущее, тот игнорирует то обстоятельство, что в лишенном истории государстве именно тот выигрывает битву за будущее, кто заполняет сферу воспоминаний, определяет понятия и истолковывает прошлое» (Wehler, 70). По мнению М. Штюмера, эту задачу способны выполнить только историки.

В такой постановке вопроса в рамках немецкой интеллектуальной традиции нет особенно ничего нового. Еще известный немецкий философ В. Дильтей говорил: «То, что мы определяем в будущем как цель, обуславливает определение значимости прошедшего».

Здесь напрашиваются столь привычные для германской традиции сравнения. Историки должны выступать в качестве благородных рыцарей, охраняющих священную чашу Грааля, верховными понтификами и жрецами национальной традиции. М. Штюмер, по сути дела, предлагает создать касту избранных, которые, в интересах государства и национального самосознания, будут, во-первых, выбирать определенные исторические эпизоды, а во-вторых, будут толковать их, используя специально подобранные для этой цели термины.

Естественно, сразу же возникает вопрос: а какую часть из немецкой истории М. Штюмер предлагает избрать для того, чтобы толковать ее с целью конструирования элементов национального самосознания? Совершенно очевидно, что он будет в данном случае таким образом подбирать исторические факты, чтобы Германия воспринималась самими немцами в первую очередь как страна «поэтов и философов» (и немного историков?).

По мнению самого М. Штюмера, история Веймарской республики для этого не подходит. «Плюрализм ценностей и интересов, – подчеркивает он, – рано или поздно приводит к социальной гражданской войне, как это было в конце Веймарской республики» (Wehler, 71). Это очень показательное замечание М. Штюмера, тем более, если учитывать при этом, насколько близко он находился в определенный момент к высшим эшелонам власти в ФРГ.

Можно ли сказать, что современных немцев возможно объединить на их негативном отношении к Советскому Союзу? Несомненно. Получается так, что если сделать на этом акцент, то одновременно можно решить и еще одну задачу – релятивировать преступления немцев во время Второй мировой войны, особенно совершенные на оккупированных территориях Советского Союза.

При выборе удобоваримых исторических сюжетов, а также при их толковании М. Штюмер использует традиционные для этого «апологетического» направления приемы. Так, он называет бомбардировку Дрездена в феврале 1945 года американцами и англичанами «второй Хиросимой». Этот прием, который использует и Э. Нольте, уже получил название «тривиализация через сравнение». Но ведь это не точное сравнение. При бомбардировке Дрездена не применялось атомное оружие. Конечно, и в том и в другом случае речь идет об акциях устрашения, направленных в том числе и против гражданского населения. Но разве немцы, развязавшие войну, пощадили гражданское население других стран? А в 1945 году всем было ясно, что нацистская Германия не может победить в этой войне. А это означает, что сотни тысяч жизней, если не миллионы, могли бы быть спасены, если бы руководство «третьего рейха» заняло более разумную позицию. Вместо этого была реализована самоубийственная концепция «тотальной войны».

Здесь опять приходится констатировать, что многие в Германии до сих пор выражают сожаление только по поводу собственных жертв. Это «неумение сострадать» в последнее время стало особенно актуальным после того, как в моду вошла тема «немцы как жертвы Второй мировой войны».

Все это делается, конечно же, не случайно. Таким образом препарируется история, ее резервуары заполняются соответствующим содержанием, и именно этот состав предполагается использовать для формирования устойчивого национального самосознания.

Справедливости ради следует признать, что в подобном подходе наличествует много рациональных элементов. И, если бы немцы смогли, оставаясь только в рамках своей «немецкости», реализовать эту задачу, возможно, по этому поводу не было бы и особого шума. Никто не будет спорить с тем, что для создания устойчивого национального самосознания любой нации необходимо наличие определенной степени национального консенсуса. Основания этого консенсуса должны быть не только политическими, но и по необходимости историческими. Надо хорошо себе представлять, как нация видит себя в контексте своей собственной, а также мировой истории. Можно было бы добавить, что этот исторический контекст должен быть, по возможности, политически корректным.

Однако новоиспеченным хранителям германского Грааля совершенно необходимы исторические сравнения для того, чтобы добиться построения устойчивого национального самосознания немцев. Для этих целей им приходится использовать так называемый «русский нексус». Другими словами, для того, чтобы современные немцы стали хорошими, все остальные – в первую очередь русские – должны по определению быть плохими.

М. Штюмер, конечно же, отдает себе отчет в том, какую титаническую задачу он пытается возложить на плечи немецких историков. Все эти избранные жрецы музыки истории Клио должны балансировать между созданием позитивных исторических смыслов, с одной стороны, а с другой – прибегать в случае необходимости к демифологизации истории.

Как и многие политики, М. Штюмер активно выступал за объединение Германии. Но уже сейчас очевидно, что это было политизированное решение, у которого было очень много противников среди самых влиятельных европейских политиков. В любом случае можно говорить о том, что тот сценарий, по которому поспешно проводилось объединение Германии, был не единственно возможным и, скорее всего, не самым оптимальным. Однако исторические параметры были так узко интерпретированы, в том числе и историками, что это во многом облегчило этот процесс.

Кстати, некритическое отношение к понятию «единство» немецкой нации почти автоматически актуализирует вопрос о территориях. Получается, что Германия начинает претендовать на часть земель Польши, Чехии, а также Калининградскую область. Этой лазейкой уже воспользовались активисты «Союза изгнанных» в Германии. Их представители открыто заявляют о том, что Кенигсберг – неотъемлемая часть их национального самосознания.

Следует признать, что основой конструкции М. Штюмера является немецкое государство в том виде, в котором оно существовало с 1871 года. И все его попытки создания модели устойчивого национального самосознания вращаются вокруг этого достаточно сомнительного периода в немецкой истории. Дело в том, что «второй рейх» был создан на волне победы над Францией и связанных с этим милитаристских чувствах. Это архаичный материал с точки зрения современных представлений, хотя на военно-патриотическом порыве легче всего, как представляется, формируется это самое национальное самосознание.

Штюмер мог бы начать движение в сторону культурных элементов («Германия – страна поэтов и философов»), но это, как оказалось, очень трудно, поскольку у многих столпов германской культуры отчетливо прослеживаются элементы национальной ограниченности и явно или неявно выраженного антисемитизма. Вообще достаточно сложно говорить о том, может ли национальное самосознание немцев быть лишено подавляющего влияния германского (молодого по историческим меркам и, следовательно, незрелого, как показывает история) государства.

В своих рассуждениях о национальной идентичности немцев М. Штюмер часто обращается также к традициям геополитики. Напомним, что идеи Карла Хаусхофера оказали большое влияние на А. Гитлера и на его планы, связанные с попытками завоевания жизненного пространства.

Следует отметить, что вопросы, связанные с геополитикой, весьма актуальны в последнее время не только в связи с книгами З. Бжезинского. Значительно более важным представляется то обстоятельство, что с точки зрения классической геополитики многие вопросы до сих пор остаются «нерешенными». Так, англичанин Х. Макиндер, существенным образом повлиявший на А. Гитлера, постоянно повторял: «Тому, кто владеет сердцевиной территории (Herzland), принадлежит мировое господство». Под «сердцевиной» английский геополитик понимал в первую очередь европейскую часть России (Fest, 326). Применительно к мировоззрению А. Гитлера можно было бы сказать, что все это – околонуточные размышления, не имеющие ничего общего с действительностью. Но разве М. Штюмер не предлагает своим соотечественникам такие конструктивные элементы национального самосознания, которые также можно было бы назвать «околонуточными»? В любом случае, использование сравнений не делает подобные попытки научными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.